

Е. В. КУПЧИК

ПТИЦЫ В ПОЭЗИИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ, ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО И АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА

Представители мира птиц издавна являются объектом внимания художников слова. Появление образов летающих и поющих существ, служащих в разных мифопоэтических системах символами верха, неба, божественной сущности, свободы, жизни, вдохновения и т. д.¹, выглядит вполне естественно в творчестве Окуджавы, Высоцкого и Галича с их тяготением к темам надобыденного бытия, свободы личности и творческого самовыражения.

О внимании поэтов к птичьему миру говорит уже само многообразие видов птиц, упоминаемых в произведениях Окуджавы, Высоцкого и Галича (далее — ОВГ²) — диких и домашних, хищных и мирных, певчих и непевчих, «хороших» и «плохих». У Б. Окуджавы это аист, ворон, ворона, голубь, грач, гусак, жаворонок, журавль, кукушка, ласточка, лебедь, малиновка, орёл, петух, скворец, сова, сокол, соловей, чайка, ястреб³; у В. Высоцкого — аист, альбатрос, воробей, ворон, выпь, голубь, гусь, гриф, журавль, коршун, курица, лебедь, петух, попугай, соловей, утка, филин, чайка⁴; у А. Галича — воробей, ворон, галка, голубь, гор-

¹ Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 346.

² Аббревиатура Вл. И. Новикова.

³ Песни Булата Окуджавы. М., 1989 /далее — ПБО/; Окуджавы Б. Капли Датского короля. М., 1991 /КДК/; Окуджавы Б. Стихи. Рассказы. Повести. Екатеринбург, 1999 /СРП/. Далее стихи цитируются по данным изданиям с указанием страниц в тексте.

⁴ Высоцкий В. Сочинения: В 2 т. Екатеринбург, 1997. Стихи цитируются по данному изданию с указанием номера тома и страниц в тексте.

лица, грач, журавль, канарейка, коростель, кукушка, лебедь, павлин, петух, скворец, сова, сокол, соловей, сыч⁵. У Высоцкого и Галича птичье царство дополнено сказочными существами — это, например, Сирий, Алконост, Гамаюн, Синяя птица, гуси-лебеди и другие, чьи образы могут быть предметом отдельного рассмотрения.

Образы, пришедшие из мира птиц, принимают участие в развёртывании важнейших тем творчества ОВГ, в чём можно убедиться хотя бы на примере произведений, чьи заглавия включают в себя «птичьи» номинации («Чёрный ворон сквозь белое облако глянет...» Б. Окуджавы, «Песня о двух погибших лебедях» В. Высоцкого, «Песня и Синей птице» А. Галича). О значительной смысловой и художественной нагруженности образа птицы можно говорить и в тех многочисленных случаях, когда он занимает небольшую часть текстового пространства.

Образ птицы как воплощения вольного начала связан с темой свободы личности. Ничем и никем не ограниченная возможность полёта — одна из черт облика естественного, «правильного» мира, на который так не похожа та действительность, где живут-страдают герои Высоцкого и Галича. В этом мире естественна именно несвобода, как людская, так и птичья, здесь «всё не так»: «Рай для нищих и шутов, // Мне ж — как птице в клетке» /1; 164/. Участь канарейки Галича, «птицы малой, вроде мухи», объекта манипуляций («Принесу её, суку, на дом, // Обучу канарейку гимну»), обречённой петь хвалебную песню (а с самых давних времен «канареечка жалобно поёт»), — это и судьба «маленького человека», вынужденного существовать в условиях неволи, — «А мне, глупому, лучше б в табор...» («Канарейка»).

При участии образов птичьего мира раскрывается тема творчества, что особенно характерно для Окуджавы, чьи поэты, музыканты и птицы, вносящие в мир гармонию, находятся в явном родстве.

Важная роль принадлежит образам птиц в «военных» текстах. Существенная деталь военного пейзажа — отсутствие птиц. Разорённая земля — это место, где «птицы не поют, деревья не растут» /ЛБО; 63/, где «Певчих птиц больше нет, // нет аистов» /1; 145/. Символом смерти, в том числе и гибели на войне, выступает в творчестве ОВГ ворон (и вороньё).

Образы мира пернатых сопутствуют в поэзии ОВГ женским образам. Птицами маркируется место пребывания героини («Здесь птицы щебечут тревожно» /1; 254/, время («...под вечер над тобою // журавли охрипшие летят...» /ЛБО; 89/); для героя Галича при встрече его

⁵ Галич А. Петербургский романс. Л., 1989. Стихи цитируются по данному изданию с указанием страниц в тексте.

с родиной и любимой «засвистят в феврале соловьи» /209/. У всех трёх авторов проявляет себя образная параллель *женщина — птица*.

С помощью «птичьих» образов получает характеристику душевная жизнь героев, их чувства, настроения, состояния.

Семантика образов птичьего мира во многом обусловлена цветом оперения и особенностями голосов птиц.

Колоративная лексика, играющая важную роль в системе образительно-выразительных средств ОБГ, по отношению к птицам используется весьма экономно. Будучи неотъемлемым компонентом семантики образа птицы, цвет получает номинацию в случаях, когда он нетипичен (например, красный лебедь у Окуджавы), когда колоративное слово являет собой постоянный эпитет («чёрный ворон»), — но прежде всего в связи с символикой цвета.

В палитре ОБГ особо выделяются белый и чёрный цвета. У Б. Окуджавы дорогие автору люди уподобляются птицам именно белого, ассоциирующегося с возвышенностью, чистотой, цвета: В. Высоцкий — *белый аист московский* ЛБО; 169/, мама — *белая голубушка* ЛБО; 76/. В последнем случае цветовой эпитет оживляет «птичью» природу слова *голубушка*, снимая тем самым известную заштампованность словоупотребления (ласковое обращение к женщине). Именно белые перья присущи герою Окуджавы, человеку-птице, и его единомышленникам («Союз друзей»), и сбережение белизны оперения важно как сохранение чистоты идеалов — и самой личности.

Если чёрный ворон у Окуджавы оппозиционен светлому началу, то чёрный и белый аисты в «О Володе Высоцком» — это единство противоположностей: «Белый аист московский на белое небо взлетел, // чёрный аист московский на чёрную землю спустился».

С разноцветьем птичьего мира у Окуджавы (голубые голуби, синий орёл, красный лебедь) и Галича (Красный петух, Синяя птица, серые утята) контрастирует его двуцветность у Высоцкого — что, впрочем, не даёт оснований для противопоставления Высоцкого двум известным «живописцам»⁶ как менее искусно «владеющего кистью». В поэтической системе Высоцкого особенно важен контраст, и порой именно тот, что передаётся универсальной оппозицией белого и чёрного. Применительно к птичьему миру особо отмечается белизна оперения

⁶ О важности цвета в поэзии Окуджавы и Галича см., напр.: Магерамова Ю. Ю. Цветовая лексика в поэзии Б. Ш. Окуджавы // Проблемы творчества Булата Окуджавы: Тез. докл. и материалы науч. конф. Магадан, 1999. С. 24–26; Фризман Л. Г. «Каждый пишет, как он слышит» // Мир Высоцкого: Вып. III. Т. 1. М., 1999. С. 288–289.

как наиболее яркий признак, выделяющий «положительный» объект на фоне тёмных «отрицательных». Фон этот настолько обычен, что как совершенно особенный воспринимается героем мир, в котором нет ничего чёрного: «Север, воля, надежда — страна без границ. // Снег без грязи — как долгая жизнь без вранья. Воронье нам не выклюет глаз из глазниц — // Потому что не водится здесь воронья» /1; 301/. Белые чайки привлекательны и нестандартностью поведения — летят на север, хотя «птицам положено только на юг». В известном смысле это «белые вороны» — и поэтому близки герою Высоцкого, который и сам является таковой, и уважает своеобразие в других. Таков белый слон, который «Средь своих собратьев серых <...> // Был, конечно, белою вороной», отличаясь от прочих «добрым глазом, тихим нравом // <...> и умом» /1; 302/. Белому цвету противостоит чернота и серость — как в отдельности, так и в соединении («чёрный человек в костюме сером» — полумистическая-полуреальная фигура). Именно эти цвета присущи воронью, заклёвывающему «белых ворон».

В одном из стихотворений на военную тему образами чёрных и белых птиц маркируются «свои» и «чужие». В кружении чёрных воронов «над трупами наших бойцов» видится несправедливость, которая устраняется: «Появились откуда-то белые птицы»; объектом же внимания воронов становится то, что достойно этого: «Ну а вороны — словно над падалью — выются // Над чёрной колонной врагов» /2; 37/.

Именно белой птице уподобляется женщина, будь то героиня «Романса миссис Ребус» или персонаж «Городского романа» — «молодая, красивая, белая»: ей, «птице белой», герой и песню заказывает «птичью» — «Журавли» /1; 69/. Особое место занимает в творчестве В. Высоцкого образ белого лебедя, встречающийся в нескольких текстах.

У А. Галича указания на белизну оперения отсутствуют. Надо отметить, что мир птиц Галича окрашен преимущественно в тёмные тона. В цветовом отношении выделяются образы птиц ирреальных. Героям поэта свойственно мечтать, но обыденность и жестокость окружающего мира преподаёт им свои уроки. Именно «за синий цвет» получает срок герой «Песни о Синей птице», с чего и начинаются его злоключения, и больной для него вопрос формулируется как вопрос о цвете: «Разберёмся ж на склоне лет, // За какой мы погибли цвет!» /153/. Символика цвета определяет характер образов участников петушиного боя в «Песенке про Красного петуха». В мифологических традициях противопоставление петухов по цвету весьма значимо: красный связан с солнцем, огнём, чёрный — с подземным царством, являясь символом

смерти и зла⁷. Чёрный петух у Галича — «дьявол», «всем сущим чертям родня»; в Красном же, близком самому говорящему («мой брат»), воплощён мотив бунта, приобретающего у Галича глобальный характер: «А в небе тучи — кровавый пух, // И грозно гудит набат» /194/. Птицы-символы у Галича помещены в живую реальность. Петухи вступают в бой, «прянув из потных рук», а синие птицы целой стаей располагаются в обычном городском пространстве — «На крышах, тротуарах, проводах, // Заборах, подоконниках и трубах».

Поэтический мир Булата Окуджавы насыщен звуками, в том числе и птичьими. Поэт почти не использует лексику, характеризующую голоса именно птиц (типа *щебетать*, *каркать*). Птица не обособлена от живого мира, издаваемые ею звуки — это голос живого существа вообще, в том числе и человека. Наиболее частотны глаголы *кричать* и *петь*. Крик у Окуджавы предстаёт выражением полноты чувств — именно так кричат его соловьи. Определение *охрипший* также используется по отношению к голосу человеческому и птичьему. Хрипота звука имеет у Окуджавы положительную оценку — как результат напряжения душевных сил, проявления творческой натуры. Хриплым голосом отличаются «положительные» люди и птицы, место звучания такого голоса — высота, реальная или воображаемая. Голос поэта, «взлетев до хрипа, // <...> достигает неба своего» /ПБО; 179/, «охрипший его баритон» /ПБО; 169/ кружится над Москвой; «Трубоч хрипит своё» — и это слышится «как пенье соловья» /ПБО; 120/; над героиней «Ситцевых женщин» «журавли охрипшие летят» /ПБО; 189/. «Золотым голосом» наделяются уподобленный птице человек — сам лирический герой-поэт /СРП; 109/ или нянька героя, поющая «молитвы без слов» /СРП; 242/. В звучащем мире Окуджавы слышнее всего голоса певчих птиц, прочие обычно безгласны.

В птичьем хоре В. Высоцкого выделяются звуки резкие, передаваемые, например, глаголами *кукарекать*, *хохотать*, *икать*, *кричать*. Источниками этих звуков часто оказываются «плохие» или приравненные к ним птицы — ворон, филин, выпь, петух, попугай. Наиболее информативен крик, содержание которого может быть передано человеческим языком: ворон — «Nevermore!» — напоминает герою о смерти /1; 414/, попугай высказывается по поводу событий в Африке /1; 184/. Среди птиц Высоцкого нет поющих от радости бытия. Мир неуютен, в нем не поётся, певчие птицы либо издают тревожный щебет /1; 282/, либо улетают — или просто перестают петь.

⁷ Мифы народов мира. Т. 2. С. 309.

С голосами птиц у А. Галича связано представление о правильном, живущем по естественным законам мире, который противопоставлен «ирреальной реальности». Существованию управляющих миром стариков, жизни, где времена года пропахли мылом и лекарствами, противостоит прекрасное в своей «нормальности» бытие: «А девчонка гуляет с милым, // А в саду раскричалась птица!» /89/. Голос птицы оказывается одной из важнейших примет большой или малой родины, с которой герой разлучён, чаще всего насильственно. В лагере («Всё не вовремя») или эмиграции («Вечный транзит») он представляет себе родные места: «А за Окой сейчас, небось, коростель свистит, // А у нас на Тайшете ветра свистят» /157/; «А кукушка кукует в подмосковном лесу!» /204/. Озвучено птицами и мечтаемое возвращение, когда «засвистят в феврале соловьи», а герой оглянется на «птичий зов» женщины /209/. Голоса «плохих» птиц — громкие, резкие, назойливые — принадлежат у Галича ненавистному для героя миру, в котором такими голосами «Как кричит вороньё на пожарище, // Голосят рупора» /100/ и «Вопят прохвосты-петухи, // Что виноватых нет» /31/.

В творчестве ОВГ мир птиц представлен во взаимодействии с человеческим. Виды и формы этого контакта различны. Птица выступает в качестве объекта зрительного и слухового восприятия, собеседника, жертвы и т. д. Традиционная функция образа птицы как знака определённого времени у ОВГ не проявляется сколько-нибудь заметным образом. Время года или суток, с которым связаны особенности поведения птиц, «протекает» через какую-либо ситуацию: значимым оказывается не время само по себе, а совпадающее с ним событие. Так, прилёт птиц у Б. Окуджавы в песне «Бери шинель, пошли домой» означает наступление мира — скворцы не просто прилетают, а возвращаются «к золе и пеплу наших улиц», а грачам отводится роль оркестра, сопровождающего «весёлые похороны» мартовского снега /ПБО; 107/. У В. Высоцкого полёт птиц на север предстает как результат сознательного выбора. Они «летят на север, // Если им надоест тепло» /1; 105/, нарушая установленный порядок — «птицам положено только на юг» /1; 304/. Птица, действующая по своей воле, порой наперекор общепринятому, обнаруживает свою близость с героями Высоцкого. У А. Галича поведение птиц характеризует состояние и самого героя, и окружающей его действительности. Герои существуют в пространстве, которое птицы стремятся покинуть (например, в песне «Засыпая и просыпаясь»).

Птица в творчестве ОВГ нечасто выступает в качестве обычного объекта созерцания — когда герой любит птицу, рассматривает её, наблюдает за её повадками. Ситуация порой оказывается драма-

тичной либо сама по себе, либо в силу вызываемых ею ассоциаций. Зловещий ворон у Окуджавы становится объектом созерцания по-смертного: «Те, кто в поле вповалку (прошу извинить), // с того воро-на взоров не сводят» /СРП; 42/. Постепенно уменьшающаяся стайка летящих уток становится у Галича метафорой человеческих судеб. Чаше птица является объектом слухового восприятия. Лирический ге-рой Окуджавы внимателен к голосам птичьего мира. Соловьиное пе-ние — один из тех звуков, которые заставляют сердце героя давать перебои /КДК; 242/, оно несёт позитивную информацию: «Какое сча-стье — смерти нет!..» /СРП; 18/. Героев Высоцкого и Галича трудно представить в ситуации «простого» слушания, наслаждения птичьим пением, да и сами голоса птиц зачастую к этому не располагают.

Существуя в собственном мире, птицы находятся по соседству с че-ловеком, иногда в непосредственной близости от него. У Высоцкого и Га-лича в контакт с человеком входит ворон — прилетающий к нему, пере-дающий информацию. С героем Окуджавы соседствуют иные птицы — соловей, поющий «за окошком», или малиновка, которая «свистнет и тут же замрёт, // как будто я должен без слов догадаться, // что значит всё это и что меня ждёт» /СРП; 111/. Среда обитания героя Окуджавы совсем иная, чем та, в которой существуют герои Высоцкого и Галича, где чело-веку можно лишь мечтать, чтоб к нему «слетались голуби» /132/.

Человек у Окуджавы не находится в оппозиции к живой природе. Мир, в котором люди и птицы подобны друг другу, свободен от кон-фронтации. В творчестве же Высоцкого весьма значима оппозиция *при-рода — человек* (где на стороне природы — сам лирический герой), раз-вёртывающаяся как противопоставление свободной личности и всех остальных, инакомыслящих и агрессивно-послушного большинства, народа и властей. Охота на зверей и птиц предстаёт охотой на людей. Объекты её различны: это и волки, в которых узнавали себя многие, и кабаны, с которыми никто не стремился себя отождествить — «а было это — про коренное крестьянское население»⁸; это и лебеди, воплотив-шие в себе представление о личности «высокого полёта» — и о пре-рванном полёте, мотив которого так важен для Высоцкого: именно так, более обобщённо, чем в контексте «Стрел Робин Гуда», выглядит исто-рия лебедей в контексте всего творчества Высоцкого.

Вместе с тем охота на лебедей существенно отличается от других «охот» Высоцкого. Если звери представляют собой некую совокупность особей, среди которых и взрослые, и молодежь (что, в общем, и способ-

⁸ Назаров А. Охота на человека // Мир Высоцкого: Вып. III. Т. I. М., 1999. С. 342.

ствует восприятию тех же кабанов как большой части народа), то лебедей всего двое. Если звери и их преследователи находятся на одной плоскости и расстояние между ними невелико, то охота на птиц идёт «по вертикали», что резко дистанцирует птиц и людей; именно таким расстоянием — от земли до небес — измеряется пропасть между «высоким» лебединым и «низким» человеческим мирами. Охотники у Высоцкого приземлены и опущены. Их движения обозначены глаголом *копашиться*, используемым обычно по отношению к насекомым, а душа «из жил воловьих свита»⁹. Лебеди — существа из совсем иного мира, чем охотники. Небо предстаёт не просто местом полёта, протяжённость которого ограничена, а средой обитания, где лебедь *жила*. Это место светлое («под солнцем, там, // Где синих звёзд без счёта»), святое («божьи склоны», место полёта ангелов и уподобленных ангелам птиц). Вместе с тем это и седьмое небо счастья, на котором лебединая пара остаётся даже после смерти. Особым оказывается и сценарий охоты: это не преследование, лебеди не стремятся избежать опасности, они сами приближаются к убийцам, не замечая их. И если охота на животных — травля и бойня, то здесь — «обычное» убийство.

В то же время разные «охоты» имеют ряд общих черт. Действующие лица чётко разделены на охотников и жертв. Охота ведётся обстоятельно, по «правилам», причём подразумевается, что и жертвы обязаны этим правилам следовать. Охотники выступают в роли надсмотрщиков — для зверей установлены запреты, волки с детства знают, что «нельзя за флажки», а по отношению к птицам — «Следят охотники за тем, // Чтоб счастье было кратко». Своё дело охотники делают с энтузиазмом, для них это «праздник», «забава», зверей «гонят весело», — и действуют профессионально: выстрелы достигают цели. Всё это делает вполне узнаваемой картину того общества, где «охотники» имеют власть.

Если охоты на зверей, птиц и людей у Высоцкого разнесены по разным текстам, то Галич их объединяет. Стайка летящих с севера на юг птиц («Летят утки») постепенно уменьшается, в том числе и благодаря стараниям стрелка. Охотники на людей у Галича многочисленны, образы их поданы крупно, ярко, — что, в частности, отличает Галича от Высоцкого и особенно от Окуджавы. В «Летят утки» таковым предстаёт вертухай, чья манера речи меняется в зависимости от обстоятельств, однако

⁹ Таким образом, на влюблённых лебедей охотятся те, чья душа не просто грубо материальна — будучи свитой из жил животного, по своей природе неспособного к любви, она глуха к этому чувству.

замена одного вводного слова на другое (*извиняюсь* вместо *растудьить*) оставляет в неприкосновенности содержание речи — шаг в сторону квалифицируется как побег с подразумеваемыми последствиями. У В. Высоцкого объекты охоты, как правило, сильные, крупные существа, у А. Галича же они часто выглядят слабыми, беззащитными — как люди, так и птицы — «серые утята». Однако важна сама их устремлённость к цели.

Убийство живого существа может иметь вполне практическую цель. Среди упоминающихся ОВГ блюд (а еда в их творчестве достойна отдельного разговора) есть и приготовленные из птичьего мяса. Но если превращение цыплёнка в цыплёнка табака, а гуся в гусятину воспринимается как нечто естественное, то совсем иные чувства вызывают поданные на стол сказочные гуси-лебеди и Жар-птица «в виде жареном» /2; 343/. В речи скоморохов это может быть простой гиперболизацией ярмарочного изобилия, но в контексте творчества Высоцкого возможно и иное осмысление образа — в духе «Лукоморья больше нет».

Связь двух миров — птичьего и человеческого — находит своё отражение в образных соответствиях. Из царства птиц авторы берут образы сопоставлений, субъектом которых является человек — лирический или ролевой герой, положительный или отрицательный персонаж.

В поэзии Б. Окуджавы параллель *человек — птица* является едва ли не главным образным соответствием. Для Окуджавы значимы цвет и голос птицы, но в основе данного уподобления чаще всего лежит признак крылатости: герои Окуджавы предстают окрылёнными в прямом и переносном смысле. Поэт почти никогда не уточняет природу крыльев своих героев, читателю предоставлена возможность самому решить, крылья ли это одежды — или надежды, вдохновения, восторга, любви, смерти...: «Мальчики, // мальчики и девочки, // с крыльями и без...» /КДК; 216/, «Сколько ценителей тонких, // сколько приподнятых крыл! /СРП; 87/, «по в дороге и в опале, // и крылатые и без крыл, // знать, о Ней лишь вспоминали // Александр и Михаил» /СРП; 25/, «Крылья за спиною, как перед войною» /ПБО; 153/, «Ещё повеет главный час // разлукой ледяною, // когда останутся от нас // лишь крылья за спиною» /СРП; 106/. Крылатая у Окуджавы смерть, которая в последний час «распахнёт свои крыла» /ПБО; 75/, крылатая надежда, которая тоже распахивает «два своих крыла» /КДК; 228/. Золотые крылья героев песни «Затихнет шрапнель...» («...все мы ещё молодые // и крылья у нас золотые») — это, возможно, именно крылья надежд; сравним: «Умирают в боях молодые, // хоть не хочется им умирать, — // лишь надежды свои золотые // оставляют меж нами витать» /СРП; 55/.

Образ крыльев в русской поэзии относится к числу наиболее разработанных, и, как справедливо отмечает С. С. Бойко, в подобных случаях бывает «затруднительно решить, какой именно из фрагментов традиции имеет в виду современный поэт»¹⁰. Традиционность Окуджавы представляется вполне очевидной, когда он говорит, например, о крыльях надежды или использует древнейший образ смерти-птицы¹¹, то есть когда речь идёт о материях невещественных. Что касается героев, то традиционные крылья часто оказываются принадлежащими вполне земному созданию. Человек у Окуджавы устремлён ввысь: «Капельмейстеру хочется взлететь» /ПБО; 196/, «Ты как будто в полёте» /СРП; 109/. Вместе с тем герои с полным правом могут сказать о себе: «Мы земных земней» с последующим уточнением: «Просто мы на крыльях носим // то, что носят на руках» /ПБО; 82/.

В женских образах Окуджавы меньше земного и больше возвышенного. Если облик мужчины часто прозаичен, при его описании неоднократно упоминается о старой одежде, неприглядности принадлежащих ему вещей¹², то описания женщин почти свободны от подобного рода деталей. Женщина менее связана с землёй, и потому её легко представить, например, вспорхнувшей на ветку — при сохранении женского облика: «В модном платьице коротком, // в старомодном пальтеце, // и ладонь под подбородком, // и загадка на лице» /СРП; 24/. Певчей птице — жаворонку — уподоблена женщина, поющая «молитвы без слов золотым голосом» /КДК; 242/.

Птице традиционно родственна творческая личность — и лирический герой (фактически сам Окуджава), и его единомышленники, безымянные или вполне конкретные — «белый аист московский» («О Володе Высоцком») или тот, кто «В петербургский смог зарывшись, // зёрна истины клюёт» («Что-то знает Шура Лифшиц...», с посвящением А. Володину).

Поэты и музыканты Окуджавы — особая порода крылатых людей. Для Окуджавы весьма характерно совмещение двух лексических пластов — «человеческого» и «птичьего» — в узком контексте: «Поз-

¹⁰ Бойко С. С. Пушкинские традиции в лирике Булата Окуджавы // Мир Высоцкого: Вып. II. М., 1998. С. 480.

¹¹ Этот образ получил известное развитие ещё в древнеславянской мифологии. См.: Соболев А. Н. Мифология славян: Загробный мир по древнерусским представлениям. СПб., 1999. С. 40.

¹² Герой «соответствует идеалу эпохи, когда неустроенность была признаком "своего", интеллигентного человека» (Найдич Л. След на песке: Очерки о рус. языке и устаре. СПб., 1995. С. 127).

тов травили, ловили // на слове, им сети плели, // куражась, корнали им крылья, // бывало, и к стенке веда //СРП; 113/. Такое крылатое создание ощущает под ногами земную твердь, к примеру, дорогу — то клубящиеся пылью «разные тракты», то вполне конкретную улицу: «По Грузинскому валу воинственно ставя носок, // ты как будто в полёте, // и твой золотой голосок // в простодушные уши продрогших прохожих струится» /СРП; 109/.

Птичье и человеческое объединяется и в образе белых перьев, сохранение белизны которых столь важно для героев «Союза друзей». Перо — это и часть птичьего оперения, и традиционный атрибут поэта, и все эти перья должны быть чистыми¹³.

Слово поэта также имеет соответствие в птичьем царстве. Слова песни, исполняемой «маленьким оркестриком под управлением любви», «как ястребы ночные, // срываются с горячих губ». Образ ястреба в творчестве Окуджавы не несёт отрицательной оценки: актуализируются такие компоненты семантики образа, как энергичность, решительность, быстрота, целеустремлённость. В образе Красного лебедя /СРП; 17/ объединяются «два великих слова» — издавна рифмующиеся «любовь» и «кровь», и за этой рифмой стоит родство: «Кровь, она всегда прекрасна. Кровь ярка, красна и страстна»; именно красный цвет считается цветом любви. Лебедь, чей образ, традиционно ассоциирующийся с чистотой, возвышенностью, издавна связан с темой любви, является в то же время символом поэта, певца, высоты поэзии¹⁴. Появление столь необычного образа имеет вполне обоснованную мотивацию.

Параллель человек — птица у Окуджавы универсальна. Птицам уподобляются и сам герой-автор, и его близкие («Они [предки — Е. К.] словно птицы на ветках, // и мне непонятна их речь» /СРП; 103/), и единомышленники, и те, к кому поэт находится в оппозиции, — например, дураки, собирающиеся в стаю, или «те, что виновны в убийстве» /СРП; 34/. Грозной хищной птице уподоблен И. Сталин — «усатый сокол» /СРП; 36/, «чёрный горький орел» /СРП; 38/, простирающий крылья над всем миром.

¹³ Для героя Окуджавы чистота — едва ли не главное требование, предъявляемое человеку и миру: «О, были б помыслы чисты!.. О, были б небеса чисты!.. О, руки были бы чисты! А остальное всё приложится» /КДК; 220/. Важно для героя и то обстоятельство, что в последний час он лежит «чистый-чистый». Понятия чистого и прекрасного у Окуджавы весьма близки. То, что привлекательно, будь то утро — время надежд и обновления, слово или музыка, предстаёт чистым (или очищающим): «Всё оно [утро — Е. К.] смывает начисто»; «Молва за гробом чище серебра»; «Сигнал тревоги чист».

¹⁴ Мифы народов мира. Т. 2. С. 346.

Соответствие человек — птица в поэзии Владимира Высоцкого проявляет себя менее отчётливо, чем у Окуджавы, и — при сходстве оснований сопоставления — несколько иным образом. Если у Окуджавы птице уподоблен прежде всего сам лирический герой, которому из представителей живой природы ближе всего птицы (он как бы стоит на границе миров), то лирический герой Высоцкого ассоциируется скорее с земным существом, чья возвышенность не связана с крылатостью и определяется такими, например, качествами героя, как *и н а к о в о с т ь*, энергия, сила, воля, гуманизм¹⁵. Более естественным выглядит сопоставление героя не с птицей, а со зверем — наиболее очевидна параллель с волком. Герой Высоцкого — борец, как и зверь, который может потягаться с охотником; птица же, даже сильная, погибает без борьбы. При всей симпатии к птицам высокого полёта и восприятию их гибели как трагедии говорящий у Высоцкого выступает в роли стороннего наблюдателя. У Высоцкого нет произведений, в которых под маской птицы можно было бы узнать самого лирического героя.

Отметим также, что если человеческие «полёты» у Окуджавы предстают вполне естественными действиями (поскольку есть крылья), то персонажи Высоцкого — люди весьма земные, соответственно выглядят и «полёты»: «Я ощутил намеренье благое — сварганить крылья из цыганской шали, // Крылатым стать и недоступным стать, — // Мои друзья — пьянющие изгой — // Меня хватили за руки, мешали...» /2; 132/, «Наступит птичий день — мы полетим, // А упадём — так спирту на уши!» /2; 119/.

Уподобление человека птице у Высоцкого тем или иным образом ограничено. Если у Окуджавы крылаты юные и взрослые, творческие и «обычные» люди, убитые и убийцы и т. п., то у Высоцкого способность к полёту может принадлежать людям конкретной профессии как своеобразный отличительный признак. Параллель *шофёр — птица*, заявленная в первой строке песни «дальнобойщиков» («Мы без этих машин — словно птицы без крыл...» /2; 74/), получает в тексте мотивировку: шофёрам важна их «шофёрская лихая свобода», а сама работа видится возвышенным — и возвышающим — делом («Тех, кто сядет на нашу галеру, // Приведём мы и в божеский вид. // И, конечно, в шофёрскую веру»).

Птичьей и в то же время человеческой парой предстают «два красивых лайнера» из песни «Жили-были на море...». Им, как и дру-

¹⁵ Едва ли не единственное исключение — «И, улыбаясь, мне ломали крылья» /2; 142/. Образ сломанных крыльев у Высоцкого встречается дважды — и оба раза эти крылья рифмуются с *бессильем* — невыносимым для героя состоянием.

гим кораблям Высоцкого, свойственны людские чувства и действия. В то же время в них легко узнаются чёрный и белый лебеди — фольклорный аналог жениха и невесты¹⁶. Синтетичность образа *судна* — *человека* — *птицы* достигается за счёт совмещения в узком контексте «корабельного», «человеческого» и «птичьего»: «...он в тропики // Плавал в чёрном смокинге — // Лорд — трансатлантический лайнер»; «Пришла к нему под чёрное крыло // И встала рядом белая мадонна». Приём почти утрируется: «Кораблям и поздняя // Не к лицу коррозия, // Не к лицу морщины вдоль белоснежных крыл, // И подтёки синие // Возле ватерлинии, // И когда на смокинге левый борт подгнил», — что не приводит, однако, к эклектичности образа.

Птица у Высоцкого нередко предстаёт существом страдающим — раненым, обессиленным, пленённым. Образ такой птицы появляется при описании соответствующего душевного состояния героя: «И сердце бьётся раненою птицей, // Когда начну свою статью читать» /1; 51/; «Рай для нищих и шутов, // Мне ж — как птице в клетке» /1; 154/. Находящийся в депрессии персонаж ассоциируется с выпью. Неблагозвучный голос, неприглядный внешний облик, унылая серо-зелёная окраска, обитание в болоте, ночной образ жизни выпы сформировали народное представление о ней как о птице угрюмой, несчастной, что отразилось, например, в поговорках: «Выпь, а выпь, полно тебе выть!»: «Один, как выпь на болоте» и т. п.¹⁷ Именно таким чувствует себя повествователь в «Смотринах», который «стонал в углу болотной выпью, // Набычась, а потом и подбохась». Образ выпы актуализирован с помощью формы глагола *набычаться*, применённого по отношению к человеку, но подходящего и к птице, имеющей народное название «водяной бык». У героя «всё неладно» — и внешность, и домоустройство, и душевное состояние, которое и изливается в «стоне». Сравним: «То ли выпь захохотала, // То ли филин заикал — // На душе тоскливо стало // У Ивана-дурака» /1; 151/.

В произведениях А. Галича соответствие в мире птиц имеют самые разные герои. Уподобленные птицам люди у Галича, однако, принадлежат более земле, чем воздушной стихии. Эти «птицы» изображены ходящими по земле, сидящими, кормящимися, издающими звуки; видеть же их в полёте можно лишь в редких случаях.

¹⁶ Здесь уместно вспомнить «Песню о чёрном и белом лебедях», стилизованную Высоцким под русскую народную песню.

¹⁷ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I. С. 244.

Отметим, что образ крылатого создания «приземляется» за счёт соседства в узком контексте нейтрального (или относительно нейтрального) обозначения птицы со сниженными, в том числе просторечными элементами. Это наблюдается в так называемых жанровых песнях, язык которых «сугубо бытовой и строго соответствует описываемой среде»¹⁸, встречаясь, впрочем, и в текстах иного плана. Таким образом даётся оценка отрицательного персонажа: «Пусть он, сволочь, врёт и предаёт, // Пусть он ходит, ворон, в перьях сокола» /182/; «Вопят прохвосты-петухи, // Что виноватых нет» /31/. Весьма выразительно выглядит слово из «животного» лексикона, употреблённое по отношению к птице и уподобленному ей человеку: «Принесу её [канарейку — Е. К.], суку, на дом»; «И принёс же черт сучку-пташечку» — о женщине, сдавшей в комиссионку пластинки с речью Сталина. В посвящённом О. Мандельштаму «Возвращении на Итаку» сниженное слово включено в отрицательную самохарактеристику героя: «Щелкунчик-скворец, простофиля-Емеля, // Зачем ты ввязался в чужое похмелье?» При противопоставлении «птичьего» как высокого и «человеческого» как низкого просторечное слово относится к человеку, подчёркивая контраст: «А над Окой летят гуси-лебеди, // А за Окой свистит коростель, // А тут по наледи курвы-нелюди // Двух эка ведут на расстрел» /157/. В «Королеве материка» контраст обыгран: «О, как они ссали б, закрыв глаза, // Как горлица воду пьёт!»

В «современных Золушках» Галича видится нечто сказочное — и «птичье». Героиню «Весёлого разговора» мать в детстве «Красной Шапочкой звала, пташкой вольной». Действительность беспощадна по отношению к сказке — «Скушал Шапочку Серый Волк!» Меняется и само «птичье» наименование: вместо «пташки вольной» — «Интересно, мол, узнать, что за птица?». Другой «сказочной» героине — «Принцессе с Нижней Масловки» — адресован авторский совет: «Держись и чисти пёрышки». Женщине-птице Галича не дано свободы полёта. Мир, «где как лебеди — девицы», представляется иллюзорным: «Да была ль она, братие, // Эта Русь на Руси?» /175/.

Образы птиц активно используются Галичем в обрисовке антигероев. Среди объектов уподобления — птицы с тёмным ассоциативным ореолом, прежде всего ворон, ворона. Резкость, громкость крика петуха даёт основание сопоставить с ним отрицательный персонаж. Антигерой часто показан наслаждающимся житейскими благами. Персонаж «Фан-

¹⁸ Крылов А. Е. О жанровых песнях и их языке // Мир Высоцкого: Вып. I. М., 1997. С. 366.

тазий на русские темы» «гогочет, как кочет, // Хоть святых выноси» после выпивки, а «Сталинские соколы // Кушают шашлык» /52/. Образ сокола (слово употребляется только в переносном значении, закрепившемся в фольклоре как характеристика бравого молодца) относится к наиболее частотным у Галича. В соответствии с народно-поэтической традицией соколом именуется положительная личность: «Два сына было — сокола, // Обоих нет как нет!» /93/, «Ах, кивера да ментики, // Ах, соколы-орлы!» В то же время соколами именуются и те, кто не вызывает симпатий повествователя: «И ушёл я, не было двенадцати, // Хлопнул дверью — празднуйте, соколики!» /78/. «Высокая» перифраза «сталинские соколы» у Галича звучит с едкой иронией. Эти птицы находятся в клетке — «За семью заборами, // За семью запорами», их ближайшими соседями оказываются птицы семейства вороновых — галки и грачи, а сами «соколы» предаются вполне земному занятию — «кушают шашлык».

К миру птиц поэты обращаются и при характеристике состояния человека — обычно связанного с дискомфортом: «И боль, что скворчком стучала в виске, // Стихает, стихает» /ПБО; 23/; «Его [мужество — Е. К.], наверно, женщины крадут // И, как птенца, за пазуху кладут» /ПБО; 33/; «И отчаянье бьётся, как птица, в виске» /1; 405/; «Медленней, чем снег, // Плывёт усталость — каменная птица»¹⁹.

Сопоставления, не относящиеся к образной параллели человек — птица, представлены у ОВГ единичными случаями. У Окуджавы это, например, *мессершмитты* — *вороны*; у Высоцкого *микрофон* — *птенец*, *слон* — *белая ворона*, *самолёты* (но управляемые людьми) — *утки*; у Галича *ветка* — *птица*. Субъектом сопоставления птица бывает редко, и в таких случаях её образ обычно приобретает антропоморфность: «очеловечивается» голос, движения. Так, птичка на проводах у Окуджавы напоминает циркачку, а петухи — поэтов, читающих новые стихи.

В мире птиц у каждого поэта обнаруживаются свои предпочтения. Окуджаве особенно близки певчие птицы, прежде всего соловей с музыкальными и поэтическими ассоциациями его образа. У Высоцкого повторяется образ лебедя (главным образом в связи с темой высокого чувства), а также образы сугубо земных птиц, в частности, кур. У Высоцкого курица явно «не птица», она принадлежит земному «низу», являясь своеобразным символом житейской прозы. Упоминания об этих домашних птицах встречаются в текстах, где действует персонаж, оце-

¹⁹ Галич А. Облака плывут, облака: Песни, стихотворения. М.: Локид; ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 406.

ниваемый в каком-либо отношении как «низкий». Это, например, деградировавшие сказочные богатыри («Кажный взял себе надел — // Кур завёл — и в ём сидел...» /1; 147/); неудачливый картёжник («Руки задрожали, будто кур я воровал» /1; 62/); «лизоблюд придворный» («Сочинил царю стихи — // Получилось курам на смех» /2; 263/); завистник («У них денег — куры не клюют» /1; 89/); «дикий вебрь огромный», съевший «почти всех женщин и кур» /1; 105/. У Галича к повторяющимся относится образ голубя. В окружающей действительности герою не хватает того, с чем традиционно ассоциируется эта птица — мира, кротости, нежности. Состояние природы, живущей по естественным законам, контрастирует с происходящим в жизни людей: «Было небо голубиной ясности, // Но сердца от холода свело» /30/. Гармоничному миру причастен и метафорический «семиструнный голубь».

Повторяющиеся у разных авторов образы птиц в большинстве случаев получают одноплановую оценку, в целом совпадающую с закреплённой в мифопоэтической традиции, где, например, анис, лебедь, соловей отнесены к «хорошим», а вороньё — к «плохим» птицам²⁰. В то же время обнаруживаются и различия.

Так, кукушка, «положительная» у Галича как птица, чей голос — одна из примет покинутой родины («Вечный транзит»), не является таковой у Окуджавы: с её голосом ассоциируется досужая молва, обывательские разговоры, в «Этой женщине...» глагол *накуковать* семантически сближается с разговорным *наболтать*, то есть «наговорить лишнего, вздорного»²¹. Герой при этом не нуждается ни в каких под-сказках: «Ах, ни кукушкам, ни ромашкам я не верю // И к цыганкам, понимаешь, не хожу».

Негативную окраску получает в одном из текстов Галича («За семью заборами») образ грача: «Там и фауна, и флора. // Там и галки, и грачи, // Там глядят из-за забора // На прохожих стукачи». Галки и грачи относятся к семейству вороновых — сюда же в контексте творчества Галича причисляются и стукачи; обращает на себя внимание и «говорящая» рифма. У Окуджавы же семантика этого образа традиционна: появление грачей, их крики — свидетельство наступления весны.

²⁰ И. А. Соколова, делая вывод о соответствии народным представлениям образов птиц у Окуджавы, отмечает вместе с тем индивидуальность авторского подхода к отдельным образам (Соколова И. А. Фольклорная традиция в лирике Б. Окуджавы // «Свой поэтический материк...»: Науч. чтения, посвящ. 75-летию со дня рождения Булата Окуджавы. М.: МГУ, 1999. С. 36–37. Подобный вывод следует признать справедливым также в отношении Высоцкого и Галича. ОВГ опираются на традицию — и в то же время не скованы ею.

²¹ Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2. М., 1982. С. 327.

По-разному оценивается авторами и образ воробья. У Высоцкого воробей отнесён к «плохим», «низким» птицам, что соответствует старым мифологическим представлениям²². О воробьях поэт упоминает в связи с известной ситуацией в Китае. Говорящий (не автор) не выражает возмущения массовым истреблением птиц, для «рабочих советского завода» антиворобьиная кампания выглядит смешной и пустой затеей: «Давите мух, рождаемость снижайте, // Уничтожайте ваших воробьёв!» /1; 49/. В «Песенке про мангустов» упомянута вина воробьёв — съели «рис в Китае с полей», что представляется неким оправданием для последующих действий людей. Объяснение того факта, что Высоцкий, столь равнодушный к теме охоты и безоговорочно встающий на сторону преследуемых и убиваемых, прошёл мимо столь драматичной ситуации, ничего не сказав «от себя», не сочувствуя погибшим даже «издалека», может заключаться как в «китайской специфике» сюжета, так и в самом объекте охоты. В птичьем мире Высоцкого главные роли играют значительные, «сильные» птицы, а также те, чьи образы имеют чёткий ассоциативный ореол, благодаря которому образ включается в систему оппозиций (белые — чёрные, «хорошие» — «плохие»). «Обыкновенным же птицам отводится сравнительно скромное место. Этим Высоцкий как поэт существенно отличается от Галича, внимательного именно к «рядовым» птицам (как и к «маленьким», «рядовым» людям). Образы воробьёв, голубей, скворцов встречаются у Галича в песнях, где поэт говорит «от своего лица», то есть не в жанровых.

Птицей, образ которой значим для всех трёх поэтов, является ворон. Роль данного образа в их творчестве настолько существенна, что требует освещения в рамках отдельной работы. Здесь же отметим лишь то, что, осваивая мифопоэтическую традицию, авторы в своих интерпретациях классического образа обнаруживают как известное сходство, так и различие. Наиболее общим оказывается глубоко укоренённое в традиции представление о вороне как о птице смерти. Отличия же заключаются, например, в разной степени обобщённости (у Окуджавы — максимальная), а также в актуализации различных компонентов семантики образа.

Подведём некоторые итоги.

²² Мифы народов мира. Т. 2. С. 348. Воробей относится к «плохим» птицам наряду с вороном, совой, филином. Среди компонентов семантики — низость, драчливость, жадность и под.

Птичий мир в произведениях Окуджавы, Высоцкого и Галича отличается богатством и разнообразием видов пернатых. Заполненность надземного пространства делает его важной составляющей картины мира каждого из поэтов.

Место обитания птиц у Булата Окуджавы — пространство между землёй и небом. Небо удалено от земли, там парит душа восхищённого человека, там пребывают и души погибших. На большой высоте, однако в пределах видимости людей, летают зловещие птицы, наделённые могуществом, — чёрный ворон, «усатый сокол» (он же «горький орёл»). Обычные же птицы находятся под небесами — и над землёй. Поэт располагает своих птиц над земными объектами: «над зеленым ещё колоском», «над тобою», «над его [снега — Е. К.] головой», а также на ветках, проводах. Птицы близки людям не только пространственно. Человек у Окуджавы — существо крылатое и часто «певчее», то есть творческая личность, а в птице угадываются человеческие черты. Миры людей и пернатых гармонично сосуществуют, проникая друг в друга. В птичьем царстве Окуджавы радостны цвета и мелодичны звуки, к чему не могут остаться равнодушными его герои. Это прежде всего сам лирический герой, умеющий слышать голоса живого мира: «Кричит какой-то соловей // отличных городских кровей, // как мальчик, откровенно: // "Какое счастье — смерти нет!.."» /СПИ; 19/. Герой Окуджавы, человек-птица, видит крылатыми и других. Человеческая личность предстаёт возвышенной даже в неприметном облике «маленького человека».

Надземное пространство у Владимира Высоцкого имеет значительную протяжённость по вертикали. Верхняя его граница, маркируемая парой лебедей, — это «седьмое небо», находящееся рядом со звёздами и по соседству с ангелами, то есть на стыке реального и ирреального. Большинство же птиц находится поблизости от земли (главной стихии Высоцкого). Земля важна как источник пищи (для домашних птиц, воронья) и место гнездования. Особо выделены самые «земные» — куры и гуси. Наиболее значимые характеристики птиц — цвет, величина и сила. Авторское предпочтение отдаётся крупным «сильным» птицам с белым оперением. Главная оппозиция в мире птиц у Высоцкого основана на цветовом контрасте (белые и чёрные птицы как «хорошие» и «плохие»). Голоса птиц не отличаются мелодичностью. Человеческий и птичий миры существуют обособленно друг от друга. Контакт человека с птицей может осуществляться в насильственной форме (охота), птица оказывается жертвой. Для самого лирического героя общение с птицей не характерно. Человек, замечая птиц, не рассматривает их как эстетические объекты. Образ

ная параллель *человек — птица* проявлена слабо. В мире птиц нет соответствия самому лирическому герою.

Птицы у Александра Галича обитают в непосредственной близости от земли, в пространстве тесном и душном, где они почти не летают и не поют. Птичье царство окрашено преимущественно в тёмные тона, белых птиц практически нет. Выделяется группа «маленьких» птиц — некрупных, неярких, слабых. Окружающая действительность к ним сурова, птицам приходится улетать или «прятаться в скворешники». Другой разряд птиц представлен семейством вороновых — чёрным, активным, громогласным; примыкают к этой группе и крикливые петухи. Птичий мир у Галича весьма напоминает человеческий — в том виде, в каком знал его поэт. Весьма заметно образное соответствие *антигерой — «плохая» птица*. Поэт сочувствует «маленьким» птицам, как и «маленьким» людям, — всех объединяет дискомфортность бытия. Место, где суждено пребывать лирическому герою, отличается тем, что пернатым здесь плохо. «Не летят к нам птицы с тёплого юга» /194/, голуби слетаются только к волшебнику, а к герою прилетает ворон. Из представителей птичьего мира лирическому герою близок Красный петух, активно сражающийся со злом.

Таким образом, птицы в поэзии Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого и Александра Галича являются весьма существенным элементом картины мира. Особенности мировоззрения, философские и эстетические взгляды трёх больших поэтов двадцатого столетия нашли своё воплощение в изображении ими мира птиц — вечных спутников человека.